

© 2014 г. Л.И. МОСКАЛЮК

НЕМЕЦКИЕ «ЯЗЫКОВЫЕ ОСТРОВА» В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

В статье анализируется современная языковая ситуация в селах с компактным проживанием российских немцев в Алтайском крае, рассматриваются факторы, влияющие на развитие островных немецких говоров, их сохранение или утрату. Демонстрируются особенности представленных на Алтае немецких говоров.

Ключевые слова: российские немцы, островные немецкие говоры, процессы смешения

The article analyses the contemporary language situation in the villages with compact habitation of Russian Germans in Altai Krai, the factors influencing the development of island German dialects, their preservation or loss. It demonstrates the features presented in Altai German dialects.

Keywords: Russian Germans, Island German dialects, mixing processes

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия из-за массовой эмиграции в Германию резко снизилась численность российских немцев. Однако доля лиц, считающих себя немцами, в некоторых регионах России, в том числе в Алтайском крае, остается довольно значительной.

По данным переписей, в целом по России произошло значительное сокращение общей численности немцев, на 30% (с 842 до 597 тыс. человек) с 1989 по 2002 г. и с 2002 по 2010 г. еще на 30% (с 597 до 394 тыс. человек). В Алтайском крае доля немцев в общей численности населения (2419,8 тыс. человек) составляет 2% (50,7 тыс. человек), т.е. снизилась с 2002 г. на 36,2%. Качественные изменения являются еще более значительными: если в переписи 1989 г. насчитывалось более 1 000 сельских населенных пунктов, где немцы составляли в России подавляющее большинство (более 80%), то уже в переписи 2002 г. таких населенных пунктов больше нет. Все бывшие немецкие поселения в Алтайском крае имеют сейчас смешанный состав населения.

Тем не менее до настоящего времени на территории Алтайского края еще сохранились языковые острова, где проживают носители различных немецких диалектов. Их предки переселялись в Россию начиная со второй половины XVIII в. из Германии. Наиболее крупным скоплением сел с компактно проживающим немецкоязычным населением является Немецкий национальный район Алтайского края с районным центром Гальбштадт. Но и его затронули эмиграционные процессы: если после образования Немецкого национального района в 1993 г. доля немцев в общей численности населения составляла 60%, то по переписи 2010 г. их осталось 31,8%.

1. ИЗ ИСТОРИИ КОМПАКТНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Первые немецкие колонисты пользовались привилегиями, данными им Екатериной II в манифесте от 22 июля 1763 г. После начала Первой мировой войны были изданы «ликвидационные законы», царские указы от 2 февраля и от 13 декабря 1915 г. Все немецкие газеты были запрещены, а преподавание в школах переводилось на

русский язык. Но немецкие диалекты остались основным средством коммуникации в компактных немецких поселениях.

Согласно историческим сведениям о немцах Поволжья и Украины [Ипатов 1978; Клаус 1869; Писаревский 1909; Штах 1916], откуда большей частью прибывали в Сибирь переселенцы, они владели разговорной языковой формой – одним из немецких диалектов, а также официальной языковой формой – диалектно окрашенным литературным немецким языком, освоенным в немецкой школе и постоянно использовавшимся в дальнейшем (церковь, чтение, корреспонденция, язык национального государственного образования – Немецкого района). Распространение индивидуального билингвизма среди этнических немцев в России началось уже во второй половине XIX в., хотя основная масса немецкоязычного населения оставалась монолингвальной. Так, Л.В. Малиновский, ссылаясь на воспоминания П.К. Галлера и исследования А.Н. Минха, пишет, что «более половины колонистов совершенно не говорят по-русски, а среди женщин едва найдутся две-три в каждом селении, умеющих сказать несколько русских слов» [Малиновский 1982: 25]. Подобная ситуация сохранилась и в первые десятилетия после массового переселения немцев в Сибирь в начале XX в. В 1927 г. на территории Славгородского округа был создан Немецкий район, объединивший 57 деревень (54 из них немецкие). Тем самым разговорный немецкий язык получил новый толчок к развитию, а литературный расширил свои функции. С начала основания немецких сел в Сибири на рубеже XIX–XX вв. и до 1938 г. с перерывами, вызванными войной и революцией, занятия в школах в немецких поселениях велись на немецком языке. Русский язык как государственный изучался как школьный предмет по расширенной программе (ср. [Шлейхер 1992: 51; Черказынова 2004: 194–197]). По свидетельству старожилов немецких сел, чтобы дети лучше знали русский язык, на переменах им разрешалось говорить только по-русски. Из-за замкнутости немецких поселений использовавшиеся диалекты удовлетворяли основные коммуникативные требования немецкоговорящего населения. Русский язык использовался спорадически и как коммуникативная форма оставался для большинства невостребованным.

Заглянуть в прошлое и воссоздать языковую ситуацию в немецких компактных поселениях, изменявшуюся в течение XX в., дает возможность анализ результатов социолингвистических опросов, проводившихся в немецких селах Алтайского края в 1967 и 1997 гг. Л.В. Малиновским [Малиновский, Резниченко 2007] и в 1978 и 2000 гг. Л.И. Москалюк [Москалюк 2000]. В анкеты включены вопросы, ответы на которые позволяют определить степень распространения и сферы использования немецкого диалекта, литературного немецкого и русского языков среди немецкого населения всех возрастных групп. Так как анкетированием были охвачены и представители старшего поколения (в возрасте от 60 лет и старше), ответ на вопрос о языке родителей давал представление о языковой жизни немецких компактных поселений начала XX в. Данные анкет показывают постепенное развитие билингвизма. Так, начиная с первых лет XX в. и до конца 30-х – начала 40-х гг. языковая ситуация в немецких селах Сибири характеризуется диглоссией с медленно развивающимся субординативным билингвизмом.

После упразднения автономии Немецкого района наряду с другими автономиями на территории СССР (конец 30-х – начало 40-х гг.) происходит распространение двуязычия на все немецкоязычное население, кроме детей дошкольного возраста, а также женщин пожилого возраста, не получавших школьное образование. В 1938 г. все школы перешли на преподавание по унифицированным планам, русский стал всеобщим языком обучения, немецкий вводился с 5-го класса как иностранный [Черказынова 2004: 256]. Массовое двуязычие, вызванное сменой официального языка, приняло вид диглоссии: официальный уровень: немецкий язык (ограниченно используемый), русский язык – доминирующий; неофициальный уровень: немецкий диалект.

В конце 50-х – начале 60-х гг. происходят новые изменения. Опять вводится в языковой репертуар российских немцев литературный немецкий язык. Открываются немецкие национальные школы, вводится «немецкий как родной» в школах немецких

поселений, отменяются запреты на немецкие газеты и радиопередачи. Предпринимается попытка сохранения немецкого языка и восстановления литературного немецкого языка в его прежней роли (ср. [Матис 1997: 117]). Но последствия, которые принесла с собой смена языка в школе, оказались необратимыми. Начинается переход к массовому координативному билингвизму.

Начиная с 70-х гг. проводится политика укрупнения сел, ликвидации малых деревень. В это время продолжается активное развитие координативного билингвизма в образующихся мультидиалектных сообществах. Происходит проникновение билингвизма в сферу повседневной жизни, контактирование немецкого и русского языка на уровне неофициального общения как средств коммуникации между носителями разных диалектов. Одновременно увеличивается коммуникативная нагрузка на второй диалект в качестве средства контактирования. Происходит расширение функций русского языка как языка средств массовой информации, внедрение русскоязычного телевидения в немецкую деревню. До начала 90-х годов, пока немецкое население составляло в немецких селах Сибири 80 % и более, сохранялось относительное равновесие между двумя основными формами коммуникации: немецким диалектом и русским языком. Немецкий диалект являлся неотъемлемым компонентом национальной идентичности носителей говоров. При этом ни один из языковых вариантов нельзя было считать маргинальным, оба они полноценно использовались в формальных и неформальных речевых ситуациях, разделив свои функции.

Несмотря на такое равновесие, немецкий диалект как язык меньшинства был обречен на постепенное отступление под мощным давлением иноязычного окружения. Тенденция к медленному сдвигу в сторону русского языка была заметна даже при еще стабильном этнодемографическом составе языковых коллективов.

Период конца 80-х – первой половины 90-х гг. характеризуется началом перехода к субординативному билингвизму на новом уровне с доминантной формой – русским языком. Ситуация начала стремительно изменяться в связи с оттоком немцев из немецких сел, массовым отъездом коренного немецкого населения в Германию. На место уехавших прибывают представители других национальностей, а также немцы из Казахстана и других республик Средней Азии, слабо владеющие немецким языком, что приводит к глубокой дестабилизации ситуации языкового контакта, создавая условия для все большего обращения к русскому языку как основному инструменту общения внутри села, оттесняющему немецкие диалекты на задний план в важных сферах коммуникации. Происходит расширение функций русского языка, доминирующего как на официальном уровне, так и на неофициальном уровне межгруппового и внутригруппового общения. Немецкий диалект сохраняется для внутрисемейного общения [Москалюк 2000: 50–93; 2003: 18–25].

2. СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Для современной языковой ситуации в немецких селах Алтайского края с компактно проживающим немецким населением типично сосуществование различных форм билингвизма, характеризующих языковое поведение представителей разных возрастных групп. Для старшего поколения немецкий остается одним из основных средств коммуникации наряду с русским языком, сохраняя свою ведущую роль. Языковое поведение младшего поколения характеризует языковой сдвиг и смена кода в сторону русского языка. Среднее поколение занимает промежуточное положение, сохраняя немецкую диалектную компетенцию и возможность общаться на немецком со старшим поколением, но диалект здесь выполняет вспомогательную роль, так как представители среднего поколения предпочитают общение на русском языке в большинстве ситуаций, приближаясь по своим привычкам употребления языка к представителям младшего поколения.

В настоящее время для российских немцев характерна высокая степень владения русским языком: количество российских немцев, не владеющих русским языком, при-

ближается к нулю. Это люди весьма преклонного возраста, проживающие в сельской глубинке, которые никуда не выезжали из своих деревень и не имели возможности получить образование.

Согласно данным опроса 2000 г., который проводился в девяти немецких поселениях Алтайского края, основанных немцами на рубеже XIX–XX вв., только 17 человек из 1 500 опрошенных не владеют русским языком, 71 человек говорит по-русски с затруднениями. Все остальные опрошенные владеют русским языком свободно [Москалюк 2000: 50–76]. Эти данные уточняются результатами опроса 2009 г., согласно которым только 4 человека из 1 500 опрошенных не владеют русским языком, 7 человек плохо понимают и говорят по-русски, 16 человек испытывают определенные трудности при разговоре на русском языке [Смирнова 2010: 12–15].

Современные тенденции в области языковой компетенции определяются тем, что, с одной стороны, растет доля немцев, не владеющих немецким языком совсем, но, с другой стороны, увеличивается доля тех, кто владеет языком свободно. Если у лиц старшего поколения достаточную языковую компетентность можно объяснить сохранением языка (немецкого диалекта) в их семьях, то у молодежи эта компетентность формируется посредством образования. Высокая языковая компетентность у представителей молодого поколения связана с развитием в 1990–2000 гг. преподавания литературного немецкого языка (школы, языковые курсы). Самую слабую степень владения немецким языком демонстрируют люди среднего поколения.

Все без исключения сферы общения стали сегодня двуязычными, владеющие немецким языком редко практикуют употребление только немецкого (или исключительно русского) языка. Чаще всего российские немцы, проживающие в компактных немецких поселениях, говорят и по-немецки, и по-русски. Выбор языка зависит от конкретной ситуации. Так, согласно данным опроса 2000 г., по-немецки говорят со старшими 70,5 % респондентов (по-немецки и по-русски – 18,1%), со сверстниками – 46,6% (по-немецки и по-русски – 33,6%), с младшими – 28% (по-немецки и по-русски – 32,5%). Согласно данным опроса 2009 г., по-немецки и по-русски говорят с родителями 20,8 % респондентов (17,6% – по-немецки), с супругами – 14,7% (по-немецки – 7,3%), с детьми – 19,3% (по-немецки – 4,7%), на работе – 9,7 % (1,7%), с друзьями и соседями – 17,6% (3,1%), в центре немецкой культуры – 32 % [Москалюк 2000: 82–97; Смирнова 2010: 12–15]. Двуязычие всех сфер общения связано не только с ассимиляционными процессами, но и с тем, что диалектные формы, которые в основном употребляются немцами в повседневной речи, не отвечают потребностям времени, например, в производственной сфере общения.

Таким образом, русско-немецкое двуязычие является в настоящее время наиболее определяющей чертой при характеристике языковых процессов у немецкого населения России.

Сохранившиеся билингвальные отношения, которые являются основой существования «языковых островов», объясняют их особое положение. Немецкое население сел Немецкого национального района Алтайского края сохраняет языковые и культурные особенности, отличающие их от окружающего русскоязычного населения.

Языковая система островных немецких говоров в нашей стране складывалась не только под влиянием общих внутриязыковых закономерностей, но и в результате взаимодействия и смешения различных немецких говоров, носители которых находятся в непосредственной близости друг к другу, а также под влиянием русского языка в условиях изоляции от исходного языкового коллектива. Компактное проживание носителей в обособленных населенных пунктах способствовало сохранению отдельных черт материнских диалектов, принесенных из родных мест.

Это объясняет диалектную вариативность и возникновение ряда отличительных особенностей в языковой системе рассматриваемых говоров. В островных немецких говорах до сих пор сохраняется целый ряд явлений, свойственных лишь определенным областям Германии.

3. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ НА АЛТАЕ

На территории Алтайского края в настоящее время представлены все основные типы островных немецких говоров, бытовавших на территории бывшего Советского Союза. Они могут быть разделены на четыре основные группы: 1) украинские, ориентированные на нижненемецкий диалектный ареал (Ploutdietsch), 2) поволжские, ориентированные на западносредненемецкий диалектный ареал, 3) волинские, ориентированные на восточносредненемецкий диалектный ареал, 4) украинские, ориентированные на южнонемецкий диалектный ареал. За время существования в России немецкие говоры приобрели новые черты, родной язык российских немцев существенно отличается сегодня от базовых «внутринемецких» диалектов.

Анализ современного состояния немецких говоров в Алтайском крае показывает, что островные говоры сохранились как форма существования немецкого языка, при этом они сохраняют свою самостоятельность и самобытность на всех языковых системных уровнях [Москалюк 2003; Москвина 2010; Трубакина 2012]. В настоящей статье особенности нижненемецких говоров рассматриваются на примере говора села Протасово. Говоры сел Камыши, Подсосново и Желтенькое представляют группу поволжских говоров, ориентированных на западносредненемецкий диалектный ареал, а говор села Самсоновки обладает признаками восточносредненемецкого диалектного ареала. Особенности украинских говоров, ориентированных на южнонемецкий диалектный ареал, показаны на примере говоров сел Ямбург, Константиновка и Красноармейское.

Не подлежит сомнению смешанный характер всех исследуемых островных немецких говоров. В условиях длительной изоляции от языка прародины одни островные говоры сохранили лишь наиболее общий характер диалектов исходного языкового коллектива, другие не утратили многие специфические черты своих предшественников, третьи, занимая промежуточное положение, утратили при скрещении первичные, но сохранили вторичные признаки.

Нижненемецкий Алтайского края обладает основными чертами нижненемецких говоров меннонитов Западной Пруссии, отказавшихся до начала переселения на Украину от родных нидерландско-фризских диалектов и принявших в качестве разговорного языка восточнонижненемецкий диалект. После их переселения из Украины в Сибирь в начале XX в. произошло смешение говоров меннонитов Хортицкой и Молочненской колоний [Авдеев 1965; Jedig 1966], основными признаками которых являются отсутствие второго верхненемецкого передвижения с переходом герм. $k > t$ после узких гласных (*Darp* 'Dorf', *site* 'setzen', *et* 'ich'), сохранение звонких согласных в конце слова (*Med* 'Mitte'). До настоящего времени нижненемецкие говоры отличаются определенной вариативностью, прежде всего в области фонетики: *äw/au*: *hāwe* – *haue* 'hauen', *māwe* – *maue* 'Ärmel', *äi/oi*: *hāi* – *hoi* 'er', *fläisch* – *floisch* 'Fleisch', *au/ou/o*: *daut*, *dout*, *dot* 'das'. В качестве иллюстрации нижненемецкого диалекта российских немцев приводится текст, который отражает современное состояние одного из островных говоров. Информант родился в 1985 г. в меннонитском селе Протасово Алтайского края.

(1)

En onsem Darp jachte viile Mensche, wiens det interessont es. Et' jacht ok, oba et' hab
In unserem Dorf jagen viele Menschen, weil das interessant ist. Ich jage auch, aber ich habe
noch t'oine Flint. *Et' doi prosta enjoghe. Klok siwen klok acht stune wi ap en t'rafe ans am*
noch keine Flinte. Ich jage einfach ein. Um 7–8 Uhr stehen wir auf und treffen uns am
En' darp, en gune nu de Staap ap Loishe. Do site wi anst ap ne Passadke
Dorfende, und gehen in die Steppe, wir laufen Schi. Da setzen wir uns im Schutzwaldstreifen
euda em Weultje. Em Weultje doi wi ondascht jachte os ene Passadke.
oder im Wäldchen. Im Wäldchen jagen wir anders als im Schutzwaldstreifen.
Em Weultje sat de Jachta sech ene Medweultje han en de Jachtesch doi gune em det
Im Wäldchen setzt sich der Jäger in der Mitte hin und die Einjagenden gehen durch das
Weultje en joghe doine se de Huse nu dem Jacht.
Wäldchen und jagen die Hasen zu dem Jäger.

‘В нашей деревне охотятся многие люди, потому что это интересно. Я тоже охочусь, но у меня еще нет ружья. Я просто загоняю. Часов в семь-восемь мы встаем, встречаемся в конце деревни и идем в степь на лыжах. Тут мы садимся в посадках или в лесочке. В лесочке мы охотимся не так, как в посадках. В лесочке охотник садится в середине лесочка, а загонщики идут через лесочек и гонят зайцев к охотнику’.

В вышеприведенном отрывке текста отражаются такие морфологические особенности говора, как последовательное сохранение окончания датива ед. числа артикля и притяжательных местоимений мужского и среднего рода (*en onsem Darp, am En'darp, em Weultje, nu dem Jacht*), которое часто вытесняет окончания аккузатива (*em det Weultje*), использование единой формы определенного (*de*) и неопределенного (*ne*) артикля для существительных женского рода единственного числа и всех трех родов множественного числа в номинативе, дативе и аккузативе (*t'oine Flint, nu de Staap, de Jachta, ap ne Pasatke, ene Pasadke*). Одним из отличительных признаков этой группы говоров является широкое использование конструкции «*tun* + инфинитив» для выражения настоящего и прошедшего времени (*doi enjoghe, doi jachte, doi gune, doine joghe*).

К лексическим особенностям можно отнести диалектное существительное *Klok* ‘Uhr’, а также прямые заимствования и калькированные конструкции из русского языка (*prosta, Posatke, ap Loighe gune*).

Говор села Камыши имеет наиболее общие фонетические признаки гессенских диалектов, приближаясь к южногессенскому типу: *-n* сохранился после *-r-* (*jouhn* ‘Jahren’, дат. п. мн.ч.), *-a-* вместо ср.-в.-нем. *ou* (*kaawe* ‘kaufen’), *-st* в середине и конце слова (*zwozigste*). Смычные и шелевые озвончаются в интервокальном положении и после сонорных согласных (*uwer* ‘Ufer’, *moder* ‘Mutter’).

Эти признаки отражаются в речи носителя говора с. Камыши (год рождения – 1957).

(2)

Ti kamischne Lait soin all fun Deenhof ha. Tausentnainhundertsechs komde ti iaschte
Die Kamyschener Leute sind alle aus Denhof her. 1906 kamen die ersten
Oiwohner. Ti iaschte Haiser am Uwer une ongeleigt. Pis ti Revolution ongefonge hot, nort
Einwohner. Die ersten Häuser unten am Ufer angelegt. Bis die Revolution angefangen hat, dann
won zwo krouße Strouße une onkepaut. Zwische Kamisch un Ustjange wor e groußi
waren zwei große Straßen unten angebaut. Zwischen Kamyschi und Ustjanka war eine große
Schlacht, hots viil Mensche gekost, zwisch te Roude un zwisch te Waise.
Schlacht, hat es viele Menschen gekostet, zwischen den Roten und zwischen den Weißen.
Un viil komde auch zurick hom nouch tem. In ti zwozigste Joun hewe se ongefonge ti iaschte
Und viele kamen auch zurück heim nach dem. In den 20. Jahren haben sie angefangen die ersten
Kolchose zu maghe. So soin ti Kolchose konge pis veirem Kriich.
Kolchosen zu machen. So sind die Kolchosen gegangen bis vor dem Krieg.

‘Камышенцы все из Денгофа. В 1906 году прибыли первые жители. Первые дома построили внизу на берегу. Когда началась революция, тогда уже внизу были застроены две большие улицы. Между Камышами и Устьянкой была большая битва, стояла многих человеческих жизней, между красными и между белыми. И многие тоже вернулись домой после этого. В 20-х годах начали создавать первые колхозы. Так и были колхозы до войны’.

Претерит вытеснен в верхненемецких говорах перфектом почти полностью, в тексте встречается лишь одна форма претерита (*komde*), сохранение которой наряду с формами претерита глагола *gehen*, вспомогательных и модальных глаголов является отличительной особенностью исследуемых средненемецких говоров. Особенностью сильного склонения прилагательных является окончание *-i* существительных женского рода в номинативе, дативе и аккузативе единственного числа (ср.: *e grosi Schlacht*).

Сохранив гессенскую основу, в значительной степени отошел от диалектов прародины говор села Подсосново, сложившийся в результате дальнейшего смешения различных западно- и восточносредненемецких говоров Поволжья, утеравших многие первичные признаки. В селе Подсосново с начала его основания проживали переселенцы

Поволжья, родным языком которых были значительно различающиеся западно- и восточносреднемецкие говоры. Языковые различия, по свидетельству старожилов села, постепенно сгладились лишь к 30-м годам XX в. В результате выравнивания гессенские и саксонские говоры утратили большинство своих отличительных признаков, которые противопоставляли их другим представленным в селе среднемецким говорам.

В приведенном отрывке коренная жительница села Подсосново рассказывает о своем детстве:

(3)

Wii ich kleener war, war ich recht faul. Ich pin vun ti Schul homkkomme, hun kekese, Als ich kleiner war, war ich recht faul. Ich bin von der Schule heimgekommen, habe gegessen, hun mich ufs Bett kelegt un ton pin ich oigeschlowe un hun kschlowe pis te Ouwent, habe mich aufs Bett gelegt und dann bin ich eingeschlafen und habe geschlafen bis zum Abend, pis ti Mome kommt. Hot ti Mome ti konz Arwait for mich keschaft: s Kescherr bis die Mama kommt. Hat die Mama die ganze Arbeit für mich geschafft: das Geschirr keweshe un ufkerroomt. Un ich hun plous kel'ant, naus kongr midi Kinner spiile. gewaschen und aufgeräumt. Und ich habe bloß gelernt, hinausgegangen mit den Kindern spielen No hot se mich mol vuzählt. Saat se: s' war o Mätje, s' war krat so faul wi tu, no hot Dann hat sie mir mal erzählt. Sagt sie: «Es war ein Mädchen, es war gerade so faul wie du, na hat ti Mome awer t'are net ongewehnt schawe. Un wi se kreiser is kewore, hot se ihre Mama sie aber nicht daran gewöhnt zu arbeiten. Und als sie größer geworden ist, hat sie kehairat un is pan Monn hinkonge wouhne. Un ten soi Mome, ten Monn soi geheiratet und ist zu einem Mann hingegangen wohnen. Und dessen Mama, dem Mann seine Mome hot so kesaat, te Mont wonn se ufkestighe is, hot se ksaat: Ta, w'a hait Mama hat so gesagt, am Morgen, wenn sie aufgestanden ist, hat sie gesagt: «Der, wer heute mont schun was keschaft hot, ta kann ese...

Morgen schon was gearbeitet hat, der kann essen».

‘Когда я была меньше, я была довольно ленивой. Я приходила из школы, ела, ложилась в кровать, и потом я засыпала и спала до вечера, пока не придет мама. Всю работу за меня делала мама: мыла посуду и убирала. А я просто училась, бегала на улицу играть с детьми. Тогда мама мне однажды рассказала. Она сказала: «Жила-была одна девочка, она была такая же ленивая, как ты, ее мама не приучила ее работать. А когда она стала старше, она вышла замуж и ушла жить к мужу. А его мама, мама мужа, сказала, утром, когда она встала, сказала: «Тот, кто сегодня утром уже поработал, тот может поесть...»’.

Процессы смешения привели к упрощению морфологической системы говора. Так, в говоре используется одна форма артикля женского рода и множественного числа для номинатива, датива и аккузатива (*vun ti Schul, midi Kinner*). Вместо формы артикля в дативе единственного числа мужского рода употребляется форма аккузатива (*pan Monn, ten Monn*). Родительный падеж, утраченный в немецких говорах, заменяется конструкцией с притяжательным дативом (*ten soi Mome, ten Monn soi Mome*). Формы личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. ч. в дативе и аккузативе совпали в форме аккузатива (*mich, dich*). Вместо притяжательных местоимений часто используются указательные местоимения (*t'are 'ihre*). Наблюдаются колебания употребления инфинитива с частицей *zu* и без частицы (*hat ongewehnt schawe*). В тексте встречается претеритная форма глагола *gehen* (*kong*).

Следует отметить, что в этом направлении развивается большинство поволжских говоров, сохранившихся в Сибири. Так, говор села Канны, которое также основали переселенцы из различных деревень Поволжья, отличается лишь тем, что в нем ярче представлены восточносреднемецкие признаки, например, не перешел в спирант *-b-* в середине слова (*traibe 'treiben', uflebig 'lebhaft'*). Этот говор частично сохранил и пфальцские признаки: *-schp* в *angekrapscht 'angekratzt', selwascht 'selbst'*, но в остальных случаях всегда *st* (*s best 'das Beste', lustig 'lustig'*).

Говор бывшего села Желтенького, жители которого в настоящее время проживают в селе Кусак, сохранил пфальцскую основу, он сложился в результате смешения средне- и южнонемецких говоров Поволжья и Украины. Следующий отрывок текста, пред-

ставляющий говор села Желтенького, демонстрирует особенности пфальцского и южногессенского диалектов. Как и в вышеописанных говорах, в этом отрывке проявляется влияние восточносредненемецкого: *f*- в начале слова (*ferd* 'Pferd'), частое употребление форм аккузатива вместо датива (*in Torf, pa s' Viich, nach s' Viich, pa ti Mama, uf ti Rāda*, но *am Enddorf*). В говоре села Желтенького прослеживается и влияние южнонемецкого, например уменьшительный суффикс *el* наряду с суффиксом *che*, вытеснение претеритных форм глаголов *kommen* и *gehen* перфектом (*pin komme, sin kange*), но сохранение претерита глагола *sein* (*wa, ware*). Особенностью данного говора является образование множественного числа существительных при помощи суффикса *s* (*Määdls, Keals, Feets*).

В тексте встречаются такие диалектизмы, как *Feet* 'Onkel', *Paas* 'Tante', *rope* 'reißen'.

Носительница этого говора проживает в селе Кусак, но она родилась в 1962 г. в селе Желтеньком.

(4)

Ich pin uf ti Welt komme in Scholting. Maine Eltre hen imma kschaft. Ta Papa
Ich bin zur Welt in Sholtinkoje gekommen. Meine Eltern haben immer geschafft. Der Papa
wa imma pa s' Viich kschaft un ti Mama Uborschitza. Mia ware finf Kinna pa ti Mama un Papa,
war immer beim Vieh und Mama war Putzfrau. Wir waren fünf Kinder bei Mama und Papa,
zwei Keals un trai Määdls. Scholting wa aine Strooß, ware arich viil Priidre un
zwei Kerle und drei Mädels. Sholtinkoje war eine Straße, waren sehr viele Brüder und
Schwesrte, Paas un Feets. Mea sin uf Kino kange. uf Tanzi nach s' Viich. Arich
Schwestern, Tanten und Onkel. Wir sind ins Kino gegangen, zum Tanzen nach dem Vieh. Sehr
viil sima kfahre uf ti Rāda. Am Enddorf wa n Osa. Jeda Tag sima alle Kinna jeta
viel sind wir Rad gefahren. Am Dorfende war ein See. Jeden Tag sind wir alle Kinder im
Summa kange pade, Plume rope. In Torf wa ne Banje, tort hema uns
Sommer baden gegangen, Blumen pflücken. Im Dorf war ein Dampfbad, dort haben wir uns
kewesche, tes wa fa uns wi n Prasdrik.
gewaschen, das war für uns wie ein Feiertag.

'Я появилась на свет в Желтеньком. Мои родители всегда работали. Папа всегда работал со скотиной, а мама уборщицей. Нас было пятеро детей у мамы и папы, два мальчика и три девочки. В Желтеньком была одна улица, много было братьев и сестер, тетей и дядей. Мы ходили в кино, на танцы после работы со скотом. Много катались на велосипедах. В конце деревни было озеро. Каждый день мы, все дети, летом ходили купаться, рвать цветы. В деревне была баня, там мы мылись, это был для нас праздник'.

Говор села Самсоновки, сложившись в основных чертах на Волини, получил основные признаки восточносредненемецкого: германскому *p* соответствует *f* (*Feat* 'Pferd'); *-b-* и *-g-* не спирализированы в середине слова в отличие от других островных немецких говоров (*gebliibn, getragn*), *-n* сохраняется в конце слова (*sehn*). В качестве примера восточносредненемецкого говора представлен следующий отрывок текста. Запись диалектной речи информанта, уроженки села Самсоновки (год рождения – 1937), производилась в селе Кусак, где она проживает в настоящее время.

(5)

Hap ich dich vazählt, wi ti Eltre von Samara gekomn sin un in Scholting gebliibn,
Habe ich dir erzählt, wie die Eltern von Samara gekommen sind und in Sholtinkoje geblieben,
in Naihaim wa doch noch niks. Nu hen s sich Schalasch kepaut. T Nacht hats
in Neuheim war noch nichts. Na haben sie sich eine Laubhütte gebaut. In der Nacht hat's
keschnait, hot ma niks zu sehn. Un ta Mornt wa s warm keworn. N Haus hen se kepaut.
geschneit, hat man nichts zu sehen. Und am Morgen wurde es warm. Ein Haus haben sie gebaut.
In ti Erd hen se n Loch rausgegrabn. Ti Fenstra hen uf ti Erd kstan, Stige Raase
In der Erde haben sie ein Loch rausgegraben. Die Fenster standen auf der Erde, Rasenstücke
rumkstellt, klatt kschmiat. Ti elste Prida hen uns rausketragn un hema kspiilt.
rumgestellt, glatt geschmiert. Die älteren Brüder haben uns rausgetragen und haben wir gespielt.
Ti Witts, ti Nochpars warn arich raich, hen se sich n Feat kekauft, Schof...
Die Witts, die Nachbarn, waren sehr reich, sie haben sich ein Pferd gekauft, Schafe...

‘Я тебе рассказывала, когда родители приехали из Самары и остановились в Желтеньком, в Самсоновке еще ничего не было. Они построили себе шалаш. Ночью пошел снег, ничего не было видно. А утром стало тепло. Они построили дом. В земле они вырыли яму. Окна стояли на земле, кругом поставили пласты дерна, обмазали глиной. Старшие братья выносили нас наружу, и мы играли. Витты, соседи, были очень богатыми, они купили лошадь, овец...’

По своим морфологическим характеристикам говор села Самсоновки близок говору села Желтенького.

Говор села Ямбург на Алтае сохранил основные черты севернобаварского диалекта, который привезли с собой переселенцы из села Ямбург на Днепре [Жирмунский 1931; Иоганзен 1985]: южнонемецкий характер передвижения согласных: *p – pf, b – p, g – k, d – t (kхоopf ‘Kopf’, kroos ‘groß’, Petstot ‘Bettstätte’)*; расширение ср.-в.-нем. *æ* (*Khaas ‘Käse’*), то есть явление «обратного умлаута»; наличие «обращенных дифтонгов» (*Khii ‘Kühe’, Khiu ‘Kuh’, Peu ‘Bube’*); реликтовые местоименные формы (*ets ‘ihr’, enk ‘euch’*), восходящие к старому двойственному числу.

Здесь приводится отрывок диалектного текста, иллюстрирующего особенности говора села Ямбург Алтайского края, носительница диалекта родилась в 1927 г. в селе Ямбурге на Украине.

(6)

Ich ko-me gedenke, nu ho-me Haus khot, mit fia Stuma, Zieglhaus.

Ich kann mir gedenken, nun haben wir ein Haus gehabt mit vier Stuben, ein Ziegelhaus.

In e Kroßstum is e kschmiane Eabon kwen, is kstandn e Petstott.

In der großen Stube ist ein geschmierter Erdboden gewesen, ist gestanden eine Bettstätte.

en Tisch un e lange Luebenk, un e großi Trugha. Un wann Gost khuma han,
ein Tisch und eine lange Lehnbank und eine große Truhe. Und wenn Gäste gekommen waren,

ha-ma n Tisch hikricht khot un hot Gost afknum. Af dere Penk han
haben wir den Tisch hingerichtet gehabt und die Gäste aufgenommen. Auf der Bank haben die

Gost khuckt, mia hom tonzt unt klacht. Wie i jinga kwen pin, ha i ksunga.

Gäste gesessen, wir haben getanzt und gelacht. Als ich jünger gewesen bin, habe ich gesungen.

In de onden Stum hom Kinda kschlofa, is kstandn e Petstott

In der anderen Stube haben Kinder geschlafen, ist eine Bettstätte gestanden

un de Schloufbenk un de Ofabenk...

und die Schlafbank und die Ofenbank.

‘Я помню, у нас был дом с четырьмя комнатами, кирпичный дом. В большой комнате пол был глиняный, стояла кровать, стол и длинная лавка со спинкой, и большой сундук. И когда приходили гости, мы накрывали на стол и принимали гостей. На лавке сидели гости, мы танцевали и смеялись. Когда я была моложе, я пела. В другой комнате спали дети, стояла кровать и лавка, на которой спали, и печная лавка...’

В тексте отражаются особенности образования и употребления временных форм глагола в говорах южнонемецкого диалектного ареала, полное вытеснение форм претерита перфектом, в том числе претерита глаголов *sein* и *haben* (*pin kwen, ho khot*), использование двойного перфекта вместо плюсквамперфекта (*ha-ma hikricht khot*), образование перфекта глаголов *stehen, sitzen* со вспомогательным глаголом *sein* (*is kstandn, han khuckt*), замена исковых форм глагола *sein* во мн. числе презенса индикатива формами глагола *haben* (*han*). Особенностью склонения прилагательных является окончание *-i* прилагательных женского рода в номинативе и аккузативе ед. и мн. числа (*e großi Trugha*).

Говоры сел Константиновка, Тельман, Елизаветград, Забавное обнаруживают признаки южносреднемецких смешанных говоров, которые были распространены в католических колониях под Мелитополем на Украине. В.М. Жирмунский определил их как пфальцско-баденские смешанные диалекты [Жирмунский 1929]. К сожалению, на Украине они были мало исследованы. Эти говоры появились в результате смешения пфальцских и швабских диалектов. В тексте, приведенном в качестве примера, отражаются признаки южнорейнско-франкского диалектного ареала: *p* в начале сло-

ва (*pan* 'Pfanne', но *pf* в середине слова (*apfel* 'Apfel')), *-scht*, *-schp* (*leichschta* '(das) Leichteste', *abraschpla* 'abraspeln'), *-scht* во 2-м лице ед. ч. настоящего времени (*muschtu* 'musst du'), но *st* в 3-м лице у глаголов с основой на *s* (*lescht* – *lest* '(du)liest – (er) liest'), ср.-в.-нем. /i:/ реализуется как дифтонг /ei/ (*schräiwa* 'schreiben'), только глагол *sein* сохранил форму претерита (*woa*, *woare*), остальные глаголы, в том числе глагол *haben* и модальные глаголы, употребляются в форме перфекта для выражения прошедшего времени (*hema kmesst*, *hat kakennt*).

Информант, 1981 года рождения, родилась в немецком селе Шумановке, свободно владеет русским языком, но с матерью говорит в основном на диалекте. Ее мать родом из села Константиновки, представительница старшей возрастной группы, хорошо говорит по-русски, но дома использует в качестве средства коммуникации только немецкий диалект.

(7)

– *Was muscht tes Joa apkewa?*

Was musst du dieses Jahr ablegen?

– *Jetzt hense uns kanz naies wwodit'. Jetzt hema kmesst Test schreiwa.*

Jetzt haben sie uns etwas ganz Neues eingeführt. Jetzt mussten wir einen Test schreiben.

– *Isch's schwea oda net?*

Ist es schwer oder nicht?

– *S' Audirowanie woa ta leichschta, hat ma kmesst harcha un noot schun nooschreiwa,*

Das Hörverstehen war das Leichteste, man musste hören und dann schon nachschreiben,

was ma vaschtana hat. Tes woa leicht. Tes hat ma noch kakennt macha.

was man verstanden hat. Das war leicht. Das konnte man noch machen.

Ta Priif woa schun pissl schw'ara. Tat woare fif Punkte un ti hat ma

Der Brief war schon ein bisschen schwerer. Dort waren fünf Stichpunkte und die hat man

kmesst all raskriwaje. Fa jeden hat ma noot kriikt zwoai Ball...

müssen alle darstellen. Für jeden hat man dann zwei Punkte gekriegt.

– Что ты должна сдавать в этом году?

– Сейчас нам ввели кое-что совсем новое. Сейчас мы должны были писать тест.

– Это трудно или нет?

– Аудирование было самым легким, нужно было слушать, а потом уже пересказывать, что понял. Это было легко. Это можно было еще сделать. Письмо было уже немного труднее. Там было пять пунктов, и их нужно было все раскрыть. За каждый тогда получал два балла...

Заемствования из русского языка в тексте частично адаптированы, глагол образует перфект с помощью вспомогательного глагола *haben* (*hense wwodit'*), неопределенная форма глагола получает суффикс инфинитива (*raskriwaje*), существительные употребляются с артиклем (*s' Audirowanie*).

Фонетические признаки говоров красноармейской группы (села Красноармейский, Дегтярка, Бославино) соответствуют основным чертам южнофранкского диалекта, который был представлен в евангелических поселениях колонистов Причерноморья. Основные признаки – это герм. *p* > *pf*- в начале слова (*pfan* 'Pfanne'), *scht*- в середине и в конце слова (*pisch* 'bist', *hascht* 'hast', но *is* 'ist' в отличие от южнорейнско-франкской формы *isch* 'ist'). Диалектный текст представляет говор села Красноармейского, носительница которого родилась в селе Красноармейском в 1956 г.

(8)

Wann t Mama t Supp kocht, nehmt se t Kaschtröl, schütt traier Liter Wassa nai.

Wenn die Mama die Suppe kocht, nimmt sie den Kochtopf, schüttet drei Liter Wasser hinein,

no schält se Katoffle, Zwiwle, e Kelriib, e Rotriib, un schmaißt alles ins Wassa.

dann schält sie Kartoffeln, Zwiebeln, eine Möhre, eine rote Rübe und schmeißt alles ins Wasser.

T Supp muss ma schmelze. Ins Pfännel legt se Schmolz, Zwiwle un schwatzt alles

Die Suppe muss man schmelzen. Ins Pfännlein legt sie Schmalz, Zwiebeln und brät alles

pis t Zwiwle praun w'are, tonn legt se alles in t Supp nai.

Bis die Zwiebeln braun werden, dann tut sie alles in die Suppe hinein.

‘Когда мама готовит суп, она берет кастрюлю, наливает три литра воды, потом чистит картошку, лук, морковь, свеклу и все бросает в воду. В суп нужно добавить сало. В сковородку она кладет сало, лук и жарит все, пока лук не станет коричневым, тогда она все кладет в суп’.

По своим морфологическим характеристикам говоры последних двух групп очень близки. Форма *nehmt* в последнем тексте свидетельствует об устранении преломления при образовании настоящего времени сильных глаголов. Это явление, так же как и устранение умлаута, характерно для всех островных говоров Алтайского края.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значительное число фонетических и морфологических признаков немецких говоров Алтайского края характерно с некоторыми местными различиями для исходных базовых немецких говоров западной части России, ориентированных на нижненемецкий, южнонемецкий, западно- и восточносредненемецкий диалектные ареалы. Но среди исследуемых говоров нет ни одного, который бы полностью совпадал с описанием говоров, существующих в настоящее время на территории ФРГ, как нет и таких, которые являлись бы точным повторением какого-либо говора материнских колоний, описанных советскими диалектологами и зарубежными исследователями (Жирмунский, Дингес, Дульзон, Лонзингер, Квиринг, Миронов, Унверт и др.). Основной причиной своеобразия этих говоров является то, что они возникли в результате многократного смешения первоначально различных немецких диалектов.

Определенная общность в территориальном, экономическом и социальном отношении сел Немецкого национального района способствовала взаимопроникновению отдельных элементов разных диалектных групп, что привело к дальнейшему выравниванию верхненемецких говоров на основе общих признаков. Нижненемецкие говоры также испытали определенное воздействие со стороны верхненемецких говоров.

Анализ современной языковой ситуации в бывших компактных немецких поселениях показал, что диалектная гетерогенность смешанных немецких поселений оказала негативное влияние на сохранение родного языка российских немцев, она привела к укреплению позиций русского языка. Переходу на русский язык внутри бывших немецких сел способствует сокращение в них доли немецкого населения как результат активной эмиграции российских немцев в Германию. Но немецкие говоры остаются в немецких семьях до настоящего времени средством коммуникации в семье и общения с друзьями, являясь одновременно и одним из важнейших показателей национальной идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеев 1965 – *И.Е. Авдеев*. Фонетический строй нижненемецкого диалекта Алтайского края: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1965.
- Жирмунский 1929 – *В.М. Жирмунский*. Проблемы колониальной диалектологии // *Язык и литература*. 1929. Вып. 3.
- Жирмунский 1931 – *В.М. Жирмунский*. Процессы языкового смешения в франко-швабских говорах Южной Украины // *Язык и литература*. 1931. Вып. 7.
- Иогансен 1985 – *Т.Б. Иогансен*. Звуковой строй севернобаварского диалекта в СССР. Одесса, 1985.
- Ипатов 1978 – *А.И. Ипатов*. Мennonиты. Вопросы формирования и эволюции этноконфессиональной общности. М., 1978.
- Клаус 1869 – *А.А. Клаус*. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869.
- Малиновский 1982 – *Л.В. Малиновский*. Языковая жизнь немецкой деревни. Барнаул, 1982. (Рук. депонирована в ИНИОН. 1982. № 11669.)
- Малиновский, Резниченко 2007 – *Л.В. Малиновский, О.Л. Резниченко*. Языковая жизнь немецкой деревни в Сибири. Барнаул, 2007.

- Матис 1997 – В.И. Матис. Проблема национальной школы в поликультурном обществе. Барнаул, 1997.
- Москалюк 2000 – Л.И. Москалюк. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул, 2000.
- Москалюк 2003 – Л.И. Москалюк. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул, 2003.
- Москвина 2010 – Т.Н. Москвина. Изучение диалектной лексики в русле исторической семантики // Филология и человек. 2010. № 3.
- Писаревский 1909 – Г.Г. Писаревский. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909.
- Смирнова 2010 – Т.Б. Смирнова. Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев // Немцы новой России: Проблемы и перспективы развития. М., 2010.
- Трубакина 2012 – Н.В. Трубакина. Синтаксис островных говоров: проблемы лингвистического картографирования // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5.
- Черказнянова 2004 – И.В. Черказнянова. Школьное образование российских немцев. СПб., 2004.
- Шлейхер 1992 – И.И. Шлейхер. Пособие по истории российских немцев. Барнаул, 1992.
- Штах 1916 – Я.Г. Штах. Очерки по истории и современной жизни южно-русских колоний. М., 1916.
- Jedig 1966 – H. Jedig. Laut- und Formenbestand der niederdeutschen Mundart des Altai-Gebietes. Berlin, 1966.

Сведения об авторе:

Лариса Ивановна Москалюк
Алтайская государственная педагогическая академия
l.moskalyuk@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.11.2013.